

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

2 класс

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

(для 2-го класса)

Художник
Владимир Черноглазов

Страна детства

БОРИС ЖИТКОВ (1882-1938)

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке пароходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме – медное рулевое колесо. Снизу под кормой – руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

– Вот это уж не проси. Не то играть – трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, – не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать. А бабушка:

– Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

– Честное-расчестное, бабушка! – И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум – как мыши: юрк в каюту. Вниз – и притаются. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я прятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки, знают, что я поглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

– Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

– Чего ты всё ворочаешься?

– А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился – шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло.

Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щелочку. Ух ты! Конфетища! Для них это – как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики – маленькие-маленькие, но совсем всамделишные – и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет – ни туда ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину

тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходе на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два – на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик. Леденец, как был, – на месте. Ну да! Дураки они днём братья за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонек и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул – леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел – топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось – всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них на пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходнику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Всё к каким-то старухам. Сиди – и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу – бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух – чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки – всё лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

– Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

– Что это ты лёг?

– Голова болит.

Она тронула лоб.

– Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору!

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу, руками понял,

что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидят там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются. Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать – иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щелку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его – хлоп! – и захлопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове – схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу туда в серёдку рукой – прихлопнуть. Хоть один, да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготунились – откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. Под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Все криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало.

Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

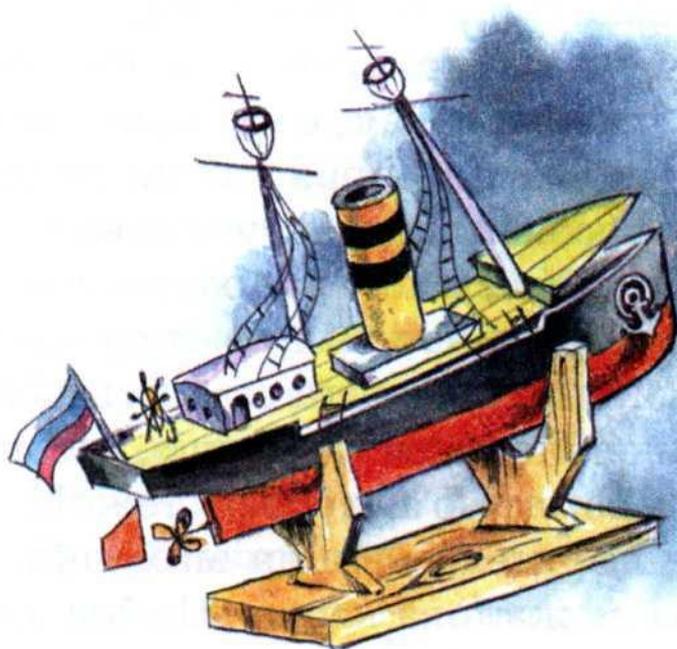
Слышу ключ в дверях.

– Бабушка! – под одеялом шептал я. – Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

– Да чего ты ревёшь да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала пароходика.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

(1892-1968)

СТАЛЬНОЕ КОЛЕЧКО

Дед Кузьма жил со своей внучкой Варюшей в деревушке Моховое, у самого леса.

Зима выдалась суровая, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закапала с тесовых крыш суетливая талая вода. Ночью в лесу выли продрогшие волки. Дед Кузьма говорил, что они воют от зависти к людям: волку тоже охота пожить в избе, почесаться и полежать у печки, отогреть заледенелую косматую шкуру.

Среди зимы у деда вышла махорка. Дед сильно кашлял, жаловался на слабое здоровье и говорил, что если бы затянуться разок-другой – ему бы сразу полегчало.

В воскресенье Варюша пошла за махоркой для деда в соседнее село Переборы. Мимо села проходила железная дорога. Варюша купила махорки, завязала её в ситцевый мешочек и пошла на станцию посмотреть на поезда. В Пе-

реборах они останавливались редко. Почти всегда они проносились мимо с лязгом и грохотом.

На платформе сидели два бойца. Один был бородатый, с весёлым серым глазом. Заревел паровоз. Было уже видно, как он, весь в пару, яростно рвётся к станции из дальнего чёрного леса.

– Скорый! – сказал боец с бородой. – Смотри, девчоночка, сдует тебя поездом. Улетишь под небеса.

Паровоз с размаху налетел на станцию. Снег завертелся и залепил глаза. Потом пошли перестукиваться, догонять друг друга колёса. Варюша схватилась за фонарный столб и закрыла глаза: как бы и вправду её не подняло над землёй и не утащило за поездом. Когда поезд пронёсся, а снежная пыль ещё вертелась в воздухе и садилась на землю, бородатый боец спросил Варюшу:

– Это что у тебя в мешочке? Не махорка?

– Махорка, – ответила Варюша.

– Может, продашь? Курить большая охота.

– Дед Кузьма не велит продавать, – строго ответила Варюша. – Это ему от кашля.

– Эх ты, – сказал боец, – цветок-лепесток в валенках! Больно серьёзная!

– А ты так возьми сколько надо, – сказала Варюша и протянула бойцу мешочек. – Покури!

Боец отсыпал в карман шинели добрую горсть махорки, скрутил толстую сигарку, закурил, взял Варюшу за подбородок и посмотрел, посмеиваясь, в её синие глаза.

– Эх ты, – повторил он, – анютины глазки с косичками! Чем же мне тебя отдарить? Разве вот этим?

Боец достал из кармана шинели маленькое стальное колечко, сдул с него крошки махорки и соли, потёр о рукав шинели и надел Варюше на средний палец:

– Носи на здоровье! Этот перстенёк совершенно чудесный. Гляди, как горит!

– А отчего он, дяденька, такой чудесный? – спросила, раскрасневшись, Варюша.

– А оттого, – ответил боец, – что, ежели будешь носить его на среднем пальце, принесёт он здоровье. И тебе и деду Кузьме. А наденешь его вот на этот, на безымянный, – боец потянул Варюшу за озябший, красный палец, – будет у тебя большущая радость. Или, к примеру, захочется тебе посмотреть белый свет со всеми его чудесами. Надень перстенёк на указательный палец – непременно увидишь!

– Будто? – спросила Варюша.

– А ты ему верь, – прогудел другой боец из-под поднятого ворота шинели. – Он колдун. Слыхала такое слово?

– Слыхала.

– Ну то-то! – засмеялся боец. – Он старый сапёр. Его даже мина не брала!

– Спасибо! – сказала Варюша и побежала к себе в Моховое.

Сорвался ветер, посыпал густой-прегустой снег. Варюша всё трогала колечко, повёртывала его и смотрела, как оно блестит от зимнего света.

«Что ж боец позабыл мне сказать про мизинец? – подумала она. – Что будет тогда? Дай-ка я надену колечко на мизинец, попробую».

Она надела колечко на мизинец. Он был худенький, колечко на нём не удержалось, упало в глубокий снег около тропинки и сразу нырнуло на самое снежное дно.

Варюша охнула и начала разгребать снег руками. Но колечко не было. Пальцы у Варюши посинели. Их так све-ло от мороза, что они уже не сгибались.

Варюша заплакала. Пропало колечко! Значит, не будет теперь здоровья деду Кузьме, и не будет у неё большущей радости, и не увидит она белый свет со всеми его чудесами. Варюша воткнула в снег, в том месте, где уронила колечко, старую еловую ветку и пошла домой. Она вытирала слёзы варежкой, но они всё равно набегали и замерзали, и от этого было колко и больно глазам.

Дед Кузьма обрадовался махорке, задымил всю избу, а про колечко сказал:

– Ты не горюй, дурочка! Где упало – там и валяется. Ты Сидора попроси. Он тебе сыщёт.

Старый воробей Сидор спал на шестке, раздувшись как шарик. Всю зиму Сидор жил в избе у Кузьмы самостоятельно, как хозяин. С характером своим он заставлял считаться не только Варюшу, но и самого деда. Кашу он склёвывал прямо из мисок, а хлеб старался вырвать из рук и, когда его отгоняли, обижался, ершился и начинал драться и чирикать так сердито, что под стреху слетались соседские воробьи, прислушивались, а потом долго шумели, осуждая Сидора за его дурной нрав. Живёт в избе, в тепле, в сытости, а всё ему мало!

На другой день Варюша поймала Сидора, завернула в платок и понесла в лес. Из-под снега торчал только самый кончик еловой ветки. Варюша посадила на ветку Сидора и попросила:

– Ты поищи, поройся! Может, найдёшь!

Но Сидор скосил глаз, недоверчиво посмотрел на снег и пропищал:

«Ишь ты! Ишь ты! Нашла дурака!.. Ишь ты, ишь ты!» – повторил Сидор, сорвался с ветки и полетел обратно в избу.

Так и не отыскалось колечко.

Дед Кузьма кашлял всё сильнее. К весне он залез на печку. Почти не спускался оттуда и всё чаще просил попить. Варюша подавала ему в железном ковшике холодную воду.

Метели кружились над дереvушкой, заносили избы. Сосны завязли в снегу, и Варюша уже не могла отыскать в лесу то место, где уронила колечко. Всё чаще она, спрятавшись за печкой, тихонько плакала от жалости к деду и бранила себя.

– Дурёха! – шептала она. – Забаловалась, обронила перстенёк. Вот тебе за это! Вот тебе!

Она била себя кулаком по темени, наказывала себя, а дед Кузьма спрашивал:

– С кем это ты там шумишь-то?

– С Сидором, – отвечала Варюша. – Такой стал неслух!
Всё норовит драться.

Однажды утром Варюша проснулась оттого, что Сидор прыгал по оконцу и стучал клювом в стекло. Варюша открыла глаза и зажмурилась. С крыши, перегоняя друг друга, падали длинные капли. Горячий свет бил в оконце. Орали галки.

Варюша выглянула на улицу. Тёплый ветер дунул ей в глаза, растрепал волосы.

– Вот и весна! – сказала Варюша.

Блестели чёрные ветки, шуршал, сползая с крыш, мокрый снег, и важно и весело шумел за околицей сырой лес. Весна шла по полям как молодая хозяйка. Стоило ей только посмотреть на овраг, как в нём тотчас начинал булькать и переливаться ручей. Весна шла, и звон ручьёв с каждым её шагом становился громче и громче.

Снег в лесу потемнел. Сначала на нём выступила облетевшая за зиму коричневая хвоя.

Потом появилось много сухих сучьев – их наломало бурей ещё в декабре, – потом зажелтели прошлогодние палые листья, проступили проталины, и на краю последних сугробов зацвели первые цветы мать-и-мачехи.

Варюша нашла в лесу старую еловую ветку – ту, что воткнула в снег, где обронила колечко, и начала осторожно отгребать старые листья, пустые шишки, накиданные дятлами, ветки, гнилой мох. Под одним чёрным листком блеснул огонёк. Варюша вскрикнула и присела. Вот оно, стальное колечко! Оно ничуть не заржавело.

Варюша схватила его, надела на средний палец и побежала домой.

Ещё издали, подбегая к избе, она увидела деда Кузьму. Он вышел из избы, сидел на завалинке, и синий дым от махорки поднимался над дедом прямо к небу, будто Кузь-

ма просыхал на весеннем солнышке и над ним курился пар.

– Ну вот, – сказал дед, – ты, вертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить, и продуло всю избу лёгким воздухом. И сразу болезнь меня отпустила. Сейчас вот покурю, возьму колун, наготовлю дровишек, затопим мы печь и спечём ржаные лепёшки.

Варюша засмеялась, погладила деда по косматым серым волосам, сказала:

– Спасибо колечку! Вылечило оно тебя, дед Кузьма.

Весь день Варюша носила колечко на среднем пальце, чтобы накрепко прогнать дедовскую болезнь. Только вечером, укладываясь спать, она сняла колечко со среднего пальца и надела его на безымянный. После этого должна была случиться большущая радость. Но она медлила, не приходила, и Варюша так и уснула, не дождавшись.

Встала она рано, оделась и вышла из избы.

Тихая и тёплая заря занималась над землёй. На краю неба ещё догорали звёзды. Варюша пошла к лесу. На опушке она остановилась. Что это звенит в лесу, будто кто-то осторожно шевелит колокольчики?

Варюша нагнулась, прислушалась и всплеснула руками: белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нём сидел маленький жук кузька-звонарь и бил лапкой по серебряной паутине. На верхушке сосны ударил дятел – пять раз.

«Пять часов! – подумала Варюша. – Рань-то какая! И тишь!»

Тотчас высоко на ветвях в золотом зоревом свете запыла иволга.

Варюша стояла приоткрыв рот, слушала, улыбалась. Её обдало сильным, тёплым, ласковым ветром, и что-то прошелестело рядом. Закачалась лещина, из ореховых серёжек посыпалась жёлтая пыльца. Кто-то прошёл невидимый мимо Варюши, осторожно отводя ветки. Навстречу ему закуковала, закланялась кукушка.

«Кто же это прошёл? А я и не разглядела!» – подумала Варюша.

Она не знала, что мимо неё прошла весна.

Варюша засмеялась громко, на весь лес, и побежала домой. И большущая радость – такая, что нехватишь руками, – зазвенела, запела у неё на сердце.

Весна разгоралась с каждым днём всё ярче, всё веселей. Такой свет лился с неба, что глаза у деда Кузьмы стали узки, как щёлки, но всё время посмеивались. А потом по лесам, по лугам, по оврагам сразу, будто кто-то брызнул на них волшебной водой, зацвели-запестрели тысячи тысяч цветов.

Варюша думала было надеть перстенёк на указательный палец, чтобы повидать белый свет со всеми его чудесами, но посмотрела на все эти цветы, на липкие берёзовые листочки, на ясное небо и жаркое солнце, послушала переключку петухов, звон воды, пересвистывание птиц над полями – и не надела перстенёк на указательный палец.

«Успею, – подумала она. – Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Моховом. Это же прелесть что такое! Не зря ведь дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете!»

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК
(1902-1982)

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

– Хорошо бы, – говорит один, – на пожаре ребёнка спасти!

– Даже самую большую щуку поймать – и то хорошо, – мечтает второй. – Сразу про тебя узнают.

– Лучше всего на Луну полететь, – говорит третий мальчик. – Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку.

Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и пере-скакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точённый. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

– Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямик через Пичугин мост.

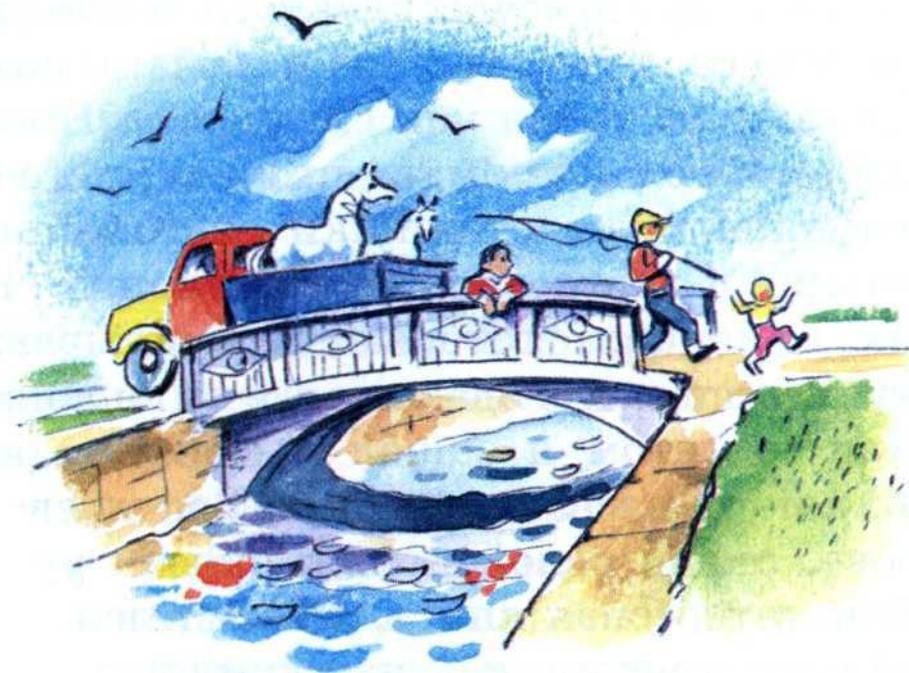
Так и стали его называть Сёминой фамилией – Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее – Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссе дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому назы-

вают – Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

ЛЕОНИД ПАНТЕЛЕЕВ (1908-1987)

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живёт, и кто его папа и мама. В потёмках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких лямочках, которые перекидываются через плечи и застёгиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашёл в садик, – я не знаю, как он называется, – на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошёл к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шёл очень быстро. Вдруг

я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку – там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около её стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошёл и окликнул его:

– Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Ничего.

– Как это ничего? Тебя кто обидел?

– Никто.

– Так чего ж ты плачешь?

Ему ещё трудно было говорить, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхлипывал, икал, шмыгал носом.

– Давай пошли, – сказал я ему. – Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдёрнул руку и сказал:

– Не могу.

– Что не можешь?

– Идти не могу.

– Как? Почему? Что с тобой?

– Ничего, – сказал мальчик.

– Ты что – нездоров?

– Нет, – сказал он, – здоров.

– Так почему ж ты идти не можешь?

– Я – часовой, – сказал он.

– Как часовой? Какой часовой?

– Ну, что вы – не понимаете? Мы играем.

– Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

– Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик всё-таки болен и что у него голова не в порядке.

– Послушай, – сказал я ему. – Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь – с кем?

– Да, – сказал мальчик. – Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик... он маршал был... он привёл меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад – в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдёшь».

– Ну?

– Ну, я и сказал: «Честное слово – не уйду».

– Ну и что?

– Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.

– Так, – улыбнулся я. – А давно они тебя сюда поставили?

– Ещё светло было.

– Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

– Я думаю – они ушли.

– Как ушли?

– Забыли.

– Так чего ж ты тогда стоишь?

– Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось – хоть лопни. А игра это или не игра – всё равно.

– Вот так история получилась! – сказал я ему. – Что же ты будешь делать?

– Не знаю, – сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул, взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдёшь, этих мальчишек?..

Они уж небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

– Ты, наверно, есть хочешь? – спросил я у него.

– Да, – сказал он, – хочу.

– Ну, вот что, – сказал я, подумав. – Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

– Да, – сказал мальчик. – А это можно разве?

– Почему же нельзя?

– Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

– Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чём же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: «Подожди минутку», – а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдёт ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не

моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошёл высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелёными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел – за углом, на трамвайной остановке – защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу – к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

– Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

– В чём дело?

– Видите ли, в чём дело, – сказал я. – Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

– При чём же тут я? – сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито. Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

– Идёмте, идёмте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать,

сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять – но на этот раз очень тихо – плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

– Ну вот, я привёл начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

– Товарищ караульный, – сказал командир, – какое вы носите звание?

– Я – сержант, – сказал мальчик.

– Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

– А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звёздочек...

– Я – майор, – сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

– Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

– Молодец, товарищ сержант, – сказал он. – Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: «До свиданья».

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

– Может быть, тебя проводить? – спросил я у него.

– Нет, я близко живу. Я не боюсь, – сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Ещё не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

ВАЛЕРИЙ МЕДВЕДЕВ
(1923-1997)

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВЕЛИКАН

Говорят, что глаза – это зеркало души.

У Коли Снегирёва зеркалом души были не глаза, а причёска. Волосы у Коли ёжиком – и в душе он ершистый и колючий, как ёжик.

А что Снегирёв фантазёр – по внешнему виду уже не скажешь: это у него где-то в самой глубине спрятано, как клад в земле.

А вот что Коля ленивый – сразу видно: никогда никуда не торопится и не спешит. Даже в кино. И чем быстрее требуется что-нибудь сделать, тем медленнее он это делает. Все эти слова имеют не последнее отношение к тому, что дальше с Колей Снегирёвым случится.

А пока не случилось, Коля живёт у своей старенькой бабушки на подмосковной даче. Живёт и ничего не хочет

делать ни по участку, ни по дому: ни дорожки подмести, ни огород полить, ни забор починить, ни мусор убрать.

Ещё в дачном посёлке живёт неподалёку от Снегирёва Коли девочка Груня Свиридова. У неё и в доме и на участке идеальный порядок. А снегирёвская дача, считает она, своим неряшливым и неухоженным видом портит весь дачный посёлок.

Как-то раз здоровяк Костя Пенкин проходил вместе с Груней мимо снегирёвской дачи. А Коля Снегирёв в это время всем прохожим строил всякие смешные рожи и гримасы. На что, на что, а на это у Снегирёва всегда хватало сил и времени. А Груне и Косте он вдобавок ещё и язык показал. И пять растопыренных пальцев к носу приставил. А затем изобразил на своём лице бульдога.

Тогда Костя Пенкин сказал:

– Да надавать этому Снегирию подзатыльников, сразу же порядок у себя наведёт!..

Груня тоже покачала укоризненно головой и пошла с Пенкиным дальше. И никто не успел заметить, что Снегирёв после этих слов задумался, словно что-то хотел ответить Пенкину, а потом передумал и начал изобретать какую-то каверзу в голове.

Весь день и вечер задумчивый Снегирёв с хитрющим выражением лица что-то мастерил и красил на чердаке, а во дворе появлялся весь перепачканный синей краской. И ещё зачем-то тайком и украдкой бегал на берег реки уже почти ночью.

И лень как рукой сняло с Коли на это время.

А утром, пока ещё все спали, Снегирёв повесил на верёвку сушиться большущие майку и трусы, сшитые из двух старых простыней, раскрашенных синей краской в полоску. Бельё было таких размеров, что даже взрослые, спешившие мимо снегирёвской дачи на утреннюю электричку, на ходу оглядывались: «Великан, что ли, в гости к Снегирёвым приехал?»

Обратила внимание на эту гигантскую тельняшку с трусами и Груня, пробегая в магазин за молоком. Обратил внимание и Костя Пенкин, проезжая на велосипеде к базару. Специально приходили посмотреть на такую невидаль девчонки и мальчишки с самой окраины посёлка. Никогда никто из них не видел такой огромной майки и таких большущих трусов.

А Коля Снегирёв как ни в чём не бывало стоял у забора и хитро-прехитро улыбался, довольный произведённым впечатлением.

– И что это значит? – спросила Груня у Снегирёва.

– Это значит, – сказал Коля, – что к нам с бабушкой в гости приехал великан... – При этом он хитро посмотрел на здоровяка Пенкина и даже подмигнул ему: кто это собирался мне надавать подзатыльников? Уж не этот ли Пенкин, который сейчас прячется за Грунькину спину?..

Долговязая Зина Коврова переглянулась с друзьями и сказала:

– Ах, великан приехал?! Значит, он вскопает наконец-то снегирёвский огород, починит крышу и наведёт порядок во дворе.

– А где сейчас-то твой великан? – спросил Пенкин, выглядывая на всякий случай из-за Грунькиной спины.

– Спит, – понизив голос, сказал Коля и хитро заулыбался. – Вы теперь не орите и в громкие игры не играйте и разговаривайте потише, а то он не любит, когда ему мешают спать... И вообще... детские голоса ему на нервы действуют...

– Ой, ребята, – сказала Груня, – давайте теперь между собой разговаривать только шёпотом. А то и вправду Колин великан рассердится.

Но говорила она об этом почему-то громко и даже рассмеялась.

После этого ребята всей гурьбой пошли купаться на речку. А хитрый Снегирёв, между прочим, ночью на бере-

гу сделал большим камнем следы огромных ступней, как будто и вправду к нему в гости великан приехал. И даже уже позагорал на песке. И даже искупался.

А когда ребята возвращались обратно, то Коля по-прежнему стоял у забора, но трусов великана и майки на верёвке не было.

– Где же твой великан-то? – спросил Пенкин Снегирёва.

Его больше всех заинтересовал Колин гость. Видно было, он жалел, что пригрозил Коле подзатыльником. Может, к этому Снегирёву и вправду кто-нибудь вроде снежного человека приехал?..

А Снегирёв с ответом на вопрос нарочно не торопился.

– «Где? Где?..» – передразнивал он Пенкина на разные голоса. – Где?.. За грибами пошёл, – сказал он наконец, улыбаясь и гримасничая.

Женя Смирнов поправил очки, посмотрел в сторону речки и сказал вполне серьёзно:

– То-то в лесу грибов не стало...

И сколько бы раз потом ни проходили ребята мимо дома Снегирёвых, всё там было по-прежнему: огород был не вскопан, крыша не починена, а во дворе беспорядок. А великан, по словам Коли, то купался, то ходил по грибы, то где-то загорал...

– Видно, твой великан такой же лентяй, как и ты, – заметил однажды Смирнов, поправляя очки.

– Да врёт он всё, – пропищала Зина Корзинкина, – и никакой великан к нему в гости не приезжал! И вообще великаны только в книжках бывают...

Этот разговор произошёл вечером, когда ребята шли на волейбольную площадку и задержались возле снегирёвской дачи.

Потом с площадки ещё долго доносился стук мяча, смех и голоса...

В сумерках Коля Снегирёв залез на чердак, отыскал

там старую трубу от бабушкиного граммофона и, приставив её к губам, крикнул в темноту диким голосом великана:

– Эй, вы там, потише! Спать мешаете!..

Голос Коли, многократно усиленный трубой, вероятно, произвёл впечатление. На площадке стало потише.

В эту ночь Снегирёв долго не мог уснуть. Всё думал, как ещё доказать ребятам, что великан действительно гостит у него на даче? И додумался...

Вылез тихо из окна. Взял лопату и стал перекапывать огород, убирать картошку, собирать с деревьев яблоки и вообще наводить порядок во дворе. Но конечно, и половины всего сделать не успел. К утру он заснул под яблоней.

А когда проснулся, ни рукой, ни ногой шевельнуть не смог. Лежит и думает: «Вот угораздило меня придумать этого проклятого великана. Вроде из-за него волдыри на ладонях набил».

С травы его поднял Грунин голос.

– А великан-то, видно, и вправду гостит у вас на даче, – сказала она из-за забора. – Вон сколько дел сделал!..

Рядом с Груней, как всегда, стояла орава дачных мальчишек и девчонок. Все они с удивлением разглядывали участок, на котором потрудились великан. Снегирёвскую дачу было просто не узнать. Хотя беспорядок кое-где ещё оставался.

– А сейчас-то он где? – спросил про великана Смирнов, поправляя очки.

– Надорвался и уехал, – тихим и хриплым голосом объяснил Снегирёв. У него не было сил даже разговаривать.

– Ладно, – сказала Груня, – так и быть! Что великан не успел сделать – мы с ребятами доделаем...

И всё доделали, да так здорово, что когда бабушка проснулась и вышла из дому, она не узнала свою дачу.

– Это всё великан сделал, – объяснила ей Груня. – Который к вам в гости приезжал. Нам о нём Коля говорил.

Тут уж бабушка заулыбалась и тоже хитро спросила:

– А где же он, этот великан, сейчас?

Груня засмеялась, переглянулась с ребятами и сказала:

– А великан, бабушка, вот он, перед вами, – и обвела взглядом всех мальчишек и девчонок. – Это мы по отдельности мальчишки и девчонки, а все вместе мы – великан!

Бабушка на радостях стала угощать великана румяными яблоками. Всех угостила, кроме Коли. И вдруг Груня взяла и отдала своё яблоко Снегирёву. Тогда только бабушка поняла, что Коля-то её тоже, оказывается, имеет отношение к великану. И ещё больше обрадовалась.

Похрустев аппетитно яблоками, великаний отряд, смеясь и переговариваясь, двинулся дальше по своим великаньим делам.

А Коля Снегирёв, как всегда, остался стоять за забором, уцепившись за штакетник. А потом как подует на мозоли да как побежит со всех ног в сарайчик! Там он быстро нашёл длинный шест, а к нему привязал полосатую майку, что когда-то сушилась на верёвке. С шестом в руках Коля выбежал на дорогу. На дачном ветру майка сразу же затрепыхалась, как знамя. Со знаменем наперевес Снегирёв побежал вслед за великаном, за ребятами.

Вот и конец всей этой истории про великана. Впрочем, какой уж там конец?! Это же только начало!..

Мир вокруг нас

МИХАИЛ ПРИШВИН (1873-1954)

ХРОМКА

Плыву на лодочке, а за мной по воде плывёт Хромка – моя подсадная охотничья уточка. Эта уточка вышла из диких уток, а теперь она служит мне, человеку, и своим утинным криком подманивает в мой охотничий шалаш диких селезней.

Куда я ни поплыву, всюду за мной плывёт Хромка. Займётся чем-нибудь в заводи, скроюсь я за поворотом от неё, крикну: «Хромка!» – и она бросит всё и подлетает опять к моей лодочке. И опять куда я, туда и она.

Горе нам было с этой Хромкой! Когда вывелись утята, мы первое время держали их в кухне. Это пронюхала крыса, прогрызла дырку в углу и ворвалась. На утинный крик мы прибежали как раз в то время, когда крыса тащила

утёнка за лапку в свою дырку. Утёнок застрял, крыса убежала, дырку забили, но только лапка у нашего утёнка осталась сломанная.

Много трудов положили мы, чтобы вылечить лапку: связывали, бинтовали, примачивали, присыпали – ничего не помогло: утёнок остался хромым навсегда.

Горе хромоту в мире всяких зверушек и птиц: у них что-то вроде закона – больных не лечить, слабого не жалеть, а убивать. Свои же утки, куры, индюшки, гуси – все норовят тюкнуть Хромку. Особенно страшны были гуси. И что ему, кажется, великану, такая безделушка – утёнок, – нет, и гусь с высоты своей норовит обрушиться на каплюшку и сплюснуть, как паровой молот.

Какой умишко может быть у маленького хромого утёнка? Но всё-таки и он своей головёнкой величиной с лесной орех сообразил, что единственное спасение его – в человеке. И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишиться его жизни, а чем он виноват, если крыса вывернула ему лапку?

И мы по-человечески полюбили маленькую Хромку.

Мы взяли её под защиту, и она стала ходить за нами и только за нами. И когда выросла она большая, нам не нужно было ей, как другим уткам, подстригать крылья. Другие утки-дикари считали дикую природу своей родной и всегда стремились туда улететь. Хромке некуда было улетать от нас. Дом человека стал её домом. Так Хромка в люди вышла.

Вот почему теперь, когда я плыву на лодочке своей на утиную охоту, моя уточка сама плывёт за мной. Отстанет, снимается с воды и подлетает. Займётся рыбкой в заводи, заверну я за кусты, скроюсь и только крикну: «Хромка!», вижу – летит моя птица ко мне.

Удивляюсь на раков – до чего много, кажется, напутано у них лишнего: сколько ног, какие усы, какие клешни и ходит хвостом наперёд, и хвост называется шейкой. Но всего более дивило¹ меня в детстве, что когда раков соберут в ведро, то они между собой начинают шептаться. Вот шепчутся, вот шепчутся, а о чём – не поймёшь.

И когда скажут: «Раки перешептались», это значит – они умерли и вся их рачья жизнь в шёпот ушла.

В нашей речке Вертушинке раньше, в моё время, раков было больше, чем рыбы. И вот однажды бабушка Домна Ивановна с внучкой своей Зиночкой собрались к нам на Вертушинку за раками. Бабушка с внучкой пришли к нам вечером, отдохнули немного – и на реку.

Там они расставили свои рачьи сеточки. Эти рачьи сачки у нас все делают сами: загибается ивовый прутик кружком, кружок обтягивается сеткой от старого невода, на сетку кладётся кусочек мяса или чего-нибудь, а лучше всего кусочек жареной и духовитой для раков лягушки. Сеточки опускают на дно. Учувя запах жареной лягушки, раки вылезают из береговых печур, ползут на сетки. Время от времени сачки за верёвки вытаскивают кверху, снимают раков и опять опускают.

Простая эта штука. Всю ночь бабушка с внучкой вытаскивали раков, наловили целую большую корзину и утром собрались назад, за десять вёрст к себе в деревню. Солнышко взошло, бабушка с внучкой идут, распарились, разморились. Им уж теперь не до раков, только бы добраться домой.

– Не перешептались бы раки, – сказала бабушка.

Зиночка прислушалась.

Раки в корзинке шептались за спиной бабушки.

¹ Дивило, дивить (от «диво») – то, что вызывает удивление, удивлять.

– О чём они шепчутся? – спросила Зиночка.

– Перед смертью, внученька, друг с другом прощаются.

А раки в это время совсем не шептались. Они только тёрлись друг о друга шершавыми костяными бочками, клешнями, усиками, шейками, и от этого людям казалось, будто от них шёпот идёт. Не умирать раки собирались, а жить хотели. Каждый рак все свои ножки пускал в дело, чтобы хоть где-нибудь найти дырочку, и дырочка нашлась в корзинке, как раз чтобы самому крупному раку пролезть. Один рак вылез крупный, за ним более мелкие шутя выбрались, и пошло, и пошло: из корзинки – на бабушкину кацавейку, с кацавейки – на юбку, с юбки – на дорожку, с дорожки – в траву, а из травы – рукой подать речка.

Солнце палит и палит. Бабушка с внучкой идут и идут, а раки ползут и ползут. Вот подходит Домна Ивановна с Зиночкой к деревне. Вдруг бабушка остановилась, слушает, что в корзинке у раков делается, и ничего не слышит. А что корзинка-то лёгкая стала, ей и невдомёк: не спавши ночь, до того уходилась² старуха, что и плеч не чует.

– Раки-то, внученька, – сказала бабушка, – должно быть, перешептались.

– Померли? – спросила девочка.

– Уснули, – ответила бабушка, – не шепчутся больше.

Пришли к избе, сняла бабушка корзинку, подняла тряпку:

– Батюшки родимые, да где же раки-то?

Зиночка заглянула – корзина пустая. Поглядела бабушка на внучку – и только руками развела.

– Вот они, раки-то, – сказала она, – шептались! Я думала – они это друг с другом перед смертью, а они это с нами, дураками, прощались.

² Уходилась – измучилась, устала.

ГЕОРГИЙ СКРЕБИЦКИЙ

(1903-1964)

КОТ ИВАНЫЧ

Жил у нас в доме огромный толстый кот Иваныч, ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, залезет на тёплую лежанку, свернётся клубком и уснёт. Во сне лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит. Из-за этого хвоста Иванычу часто доставалось от нашего дворового щенка Бобки.

Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом откроют – шмыгнёт в комнаты прямо к Иванычу. Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везёт, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему словно по льду катится. Спросонья сразу и не разберёт, в чём дело. Потом

опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберётся. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадучке и поставила на печку. Чтобы оно лучше поднялось, сверху ещё тёплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама пошла посмотреть, хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадучке, свернувшись калачиком, как на перине, Иваныч спит. Всё тесто примял и сам весь измазался. Так мы без пирогов и остались. А Иваныча вымыть пришлось.

Налила мама в таз тёплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится – мурлычет, песни поёт. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мышей не ловил. Иногда мышь скребётся где-нибудь рядом, а он внимания на неё не обращает.

Как-то зовёт меня мама в кухню:

– Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу – Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет: совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крохи, а Иваныч будто пасёт их – поглядывает да глаза от солнца жмурит. Мама даже руками развела:

– Что же это такое делается!

А я и говорю:

– Как – что? Разве не видишь? Иваныч мышей караулит. Наверное, мышка-мать попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без неё может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, в нём водилось много крыс. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту.

Сидим мы у окна, вдруг видим – по двору бежит Иваныч, а во рту огромная крыса. Вскочил он в окно – прямо к маме в комнату. Разлёгся посреди пола, выпустил крысу, сам на маму смотрит: «Вот, мол, каков я охотник!»

Мама закричала, вскочила на стул, крыса под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать себе отправился.

С тех пор от Иваныча житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдёт, а он домой спешит, крысу тащит. Принесёт в комнату и выпустит. Потом уж мы так приладились: как он на охоту – сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит крысу по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит крысу и давай с нею играть: подбрасывает, лапами ловит, а то положит её перед собою и любит.

Вот однажды играл он так, вдруг, откуда ни возьмись, две вороны. Сели неподалёку, начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им крысу у него отнять – и страшновато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся да за вороной, а вторая подхватила крысу – и до свиданья! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя крыс иногда и ловил, но никогда их не ел. Зато он очень любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведёрко на лавку, а он уж тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведёрко, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест. Иваныч даже повадился из аквариума рыбок таскать.

Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушёл на кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч – на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведёрка, вылавливает. Трёх рыбок я потом недосчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать. А как забудешь, сейчас двух-трёх рыбок вытащит. Уж мы не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился.

Принёс я однажды с реки вместо рыбы в ведёрочке раков, поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу прибежал – и прямо в ведро лапой. Да вдруг как потянет назад! Глядим: за лапу рак клешнями ухватился, а за ним – второй, а за вторым – третий... Все из ведёрка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щёлкают. Тут Иваныч глазищи от страха вытаращил, шерсть дыбом поднялась: «Что за рыба такая?»

Тряхнул лапой – так все раки на пол и посыпались, а сам Иваныч хвост трубой – и марш в окно. После этого даже близко к ведёрку не подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

Кроме рыбок, у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, ёж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый кот, дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале не мог ужиться.

Этого ежа я принёс из леса и пустил в комнате на пол. Ежик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересовался зверьком. Дружелюбно подошёл к нему и хотел обнюхать. Но ёж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча. Он растопырил колючки, подскочил и пребольно кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. Стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел спускаться вниз.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в

блюдечко супа и поставила его на коврик. Кот сел около блюдца поудобнее, начал лакать. Вдруг мы видим – из-под шкафа вылезает ёжик. Вылез, носиком потянул, прямо направился к блюдцу. Подошёл и тоже за еду принялся. А Иваныч не убегает – видно, проголодался, косится на ежа, а сам торопится, пьёт.

Так вдвоём всё блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме половником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ёжик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал опасаться. Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча мы все его очень любили. Нам казалось, что по своему характеру и уму он больше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород – и он за нами, мама в магазин – и он следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада – Иваныч уже на лавочке возле дома сидит, будто нас дожидается.

Как увидит меня или Серёжу, сразу подбежит, начнёт мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой спешит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нём мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживётся на новой квартире и будет убегать на старое место. Но наши опасения оказались совершенно напрасны.

Попав в незнакомое помещение, Иваныч начал всё осматривать, обнюхивать, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что всё в порядке, вскочил на постель и улёгся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и уселся, как обычно, рядом с

мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру так и не ушёл.

Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка – дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

ВЕРА ЧАПЛИНА (1908-1994)

ДРУЖБА

В то лето я поселилась у одного лесника. Изба у него стояла на полянке, окружённая лесом, и через усадьбу, журча по камешкам, бежал узкий ручеёк. Сам лесник Иван Петрович был ещё и охотник. В свободное от работы время он брал собаку, ружьё и отправлялся в лес. Собака у него была большая, сильная, с тёмной, почти чёрной спиной. Звали её Дагон. Во всей округе не было гончака лучше Дагона. И уж если возьмёт он след лисы, то, на какие бы хитрости плутовка ни пускалась, от Дагона ей не уйти.

Охотился Иван Петрович с Дагоном поздней осенью и зимой. А весной и летом, когда охота за лисицами запрещена, сажал его на цепь.

– А то набалуется, – говорил он.

Но мы с сыном лесника Петей всё же ослушались и, когда Иван Петрович однажды уехал в город, взяли Дагона с собой в лес. Он радостно мчался впереди, ко всему принохиваясь, то исчезая среди деревьев, то появляясь вновь. Вдруг совсем рядом раздался его громкий, басистый голос. Я обернулась. Около большого старого пня лаял и прыгал Дагон. Он старался что-то достать из-под корней и даже от злости грыз зубами кору.

– Наверное, ёжика нашёл! – крикнул мне Петя. – Сейчас достанем!

Я схватила Дагона за ошейник и оттащила в сторону, а Петя взял палку и сунул под пень, чтобы вытащить ёжика. Но не успел он засунуть палку, как оттуда выскочил маленький серый зверёк и бросился бежать.

– Лисёнок! Лисёнок! – не своим голосом завопил Петя, кидаясь за ним.

Лисёнок был маленький и неопытный. Он метался под самыми ногами мальчика, но Петя никак не мог его поймать. Я тоже не могла ему помочь, так как еле удерживала Дагона, который так и рвался к зверьку. Наконец зверёк пойман, и мы, счастливые, возвращаемся домой.

Дома Петина мать пробовала возражать против нашей находки, но Петя так упрашивал, что Прасковья Дмитриевна наконец согласилась.

– Ладно уж, держи, только отец всё равно не позволит, – в заключение сказала она.

Но отец разрешил, и лисёнок остался. Первым делом Петя притащил из сарая ящик, и мы принялись за устройство клетки. Одну сторону затянули сеткой, прорезали дверцу, а когда всё было готово, постелили туда солому и пустили лисёнка. Маленький пленник сразу спрятался в самый тёмный угол ящика и отказался от предложенного ему мяса.

Весь остаток дня лисёнок просидел в углу, а когда наступила ночь, начал скулить, тявкать и так царапал лап-

ками сетку, что даже сорвал себе палец. Петя очень огорчился, увидев утром раненую лапку лисёнка, но мы его утешили, сказав, что зато лисёнок меченый и если уйдёт, то сразу узнаем по следу.

Следующие дни мы только и делали, что пытались приручить маленького дикаря. Однако все наши старания были тщетны. Едва кто-нибудь подходил к клетке, как он тут же забивался в свой угол и сердито ворчал. Дагона это время мы с цепи не спускали. Ведь он мог разорвать тонкую сетку ящика и загрызть лисёнка.

Но как-то, сидя с Петей на крыльце, мы вдруг услышали звон цепи, обернулись и, к своему ужасу, увидели Дагона. Он сорвался с привязи и теперь направлялся прямо к лисёнку.

– Дагон, назад! Дагон! – закричала я, бросаясь к нему.

Но было поздно. Дагон уже стоял около клетки. Шерсть у него поднялась дыбом, и он, злобно рыча, уже готов был броситься на малыша. Но лисёнок, вместо того чтобы спрятаться от огромной злой собаки, вдруг заскулил и пополз к ней навстречу. Он вилял хвостом, лез чуть ли не в самую пасть собаки и всё старался её лизнуть.

Такой приём, по-видимому, смутил и самого Дагона. Стоявшая дыбом шерсть легла, и уже без всякой злобы он старался обнюхать через сетку скулившего малыша. Потом завилал хвостом и лизнул зверька...

С этого дня между собакой и лисёнком завязалась дружба. Как только спускали Дагона с цепи, он прежде всего бежал к своему новому другу. И вот – один за решёткой, а другой на свободе – затевали они игру. Лисёнок хватал в зубы какую-нибудь косточку или соломинку, бежал по ящику и всем своим видом приглашал собаку поиграть. А Дагон, словно щенок, прыгал около ящика и лаял. Но лай у него был теперь не сердитый, и лисёнок его не боялся. Нам с Петей очень нравилась такая дружба. Мы даже не огорчились, что зверёк по-прежнему нас дичился и никак не привыкал.

Впрочем, мы и сами больше не пытались его приручать, так как решили, когда наш пленник подрастёт, выпустить его на свободу.

К концу лета лисёнок не только вырос, но и изменился. Мордочка у него заострилась, хвост вытянулся, шерсть стала рыжая, совсем как у взрослой лисы. Он по-прежнему дружил с Дагоном, но прыгать и играть в ящике уже не мог. Лисёнок стал такой большой, что в старом помещении ему было тесно.

– А что, если его выпустить в лес теперь? – предложила я как-то Пете. – Он уже вырос и, пожалуй, сумеет добыть себе еду.

Петя сразу согласился, и тут же, не откладывая дела, мы пустили к нему последний раз Дагона. Потом посадили собаку на цепь, а ящик вместе с лисёнком отнесли к лесу. Поставили, открыли дверцу и отошли в сторону.

Увидев открытую дверцу, лисёнок подошёл к самому её краю, высунул голову и начал оглядываться. Затем осторожно ступил на траву и вдруг как-то скачками бросился в лес. Раза два мы видели, как он мелькнул среди деревьев и скрылся в кустах.

Нам даже стало жалко, что лисёнок ушёл. Мы долго смотрели в ту сторону, где он исчез, а потом Петя грустно вздохнул и, проходя мимо Дагона, сказал:

– Ну, вот и ушёл твой дружок.

Не знаю, скучал ли Дагон без своего друга или нам это казалось, только и в этот и в следующий день он всё лежал и плохо ел.

Нам тоже было скучно без лисёнка. Мы с Петей даже специально ходили в лес и всё смотрели: не покажется ли он где случайно. Но сколько ни ходили, сколько ни смотрели, лисёнка так и не видели.

Прошла осень, наступила зима. За это время Иван Петрович много раз бывал с Дагоном на охоте. И не было случая, чтобы он возвращался домой без добычи: то у поя-

са висел убитый заяц, то свисала с плеча красавица лисица.

Увидев убитую лису, Петя первым делом бросался к ней, чтобы посмотреть лапу. Он всё боялся, как бы не убили лисёнка.

– Папа, – каждый раз спрашивал он отца, – а если Дагон на воле встретит нашу лису, тронет он её или нет? Ведь они дружили.

– Мало что дружили, – отвечал лесник. – Разве у собаки со зверем может дружба быть? Пока в доме жила, вроде как своя, а ушла в лес – тут уж не попадайся.

– А ты, папа, всё-таки на след поглядывай, – не унимался Петя. – Если увидишь – на правой лапе пальца нет, значит, наша, не стреляй.

Петя был твёрдо уверен, что Дагон своего лисёнка не тронет. Он беспокоился только о том, как бы его не подстрелил отец.

Однако лиса с приметной лапой не попадалась. Очевидно, она ушла в другой лес, и Петя успокоился.

Но вот однажды, уже к концу зимы, когда Иван Петрович шёл с Дагоном на охоту, тот вдруг поднял лису. Иван Петрович сразу догадался, что это не заяц. Если Дагон гнал зайца, он лаял часто, заливисто, а если лису, то редко и злобно.

Лиса, видно, попалась не очень опытная. Она шла почти по ровному кругу, и Иван Петрович, примерно определив, где должен пройти зверь, поспешил ему наперерез.

Но что это? Почему Дагон внезапно смолк? Лесник забеспокоился. Быть может, собаку перехватил волк, это тоже случается. И он почти бегом направился в ту сторону, откуда последний раз слышался голос собаки. Он не прошёл и двухсот шагов, как наткнулся на след собаки и лисы. Следы шли через овражек и уходили дальше в мелкий кустарник, откуда доносился чей-то визг.

«Лиса визжит», – сразу догадался Иван Петрович, пе-

репрыгнул овражек, раздвинул кусты и остолбенел... На небольшой лесной полянке стоял Дагон, а перед ним, визжа и виляя хвостом, ползала лиса и всё старалась лизнуть в морду собаку.

Иван Петрович медленно стал поднимать ружьё. Лиса насторожилась. Очевидно, она почуяла человека. Перестала ласкаться и медленно, как-то нерешительно направилась к лесу.

Дагон завилял хвостом и побежал рядом с ней. Побоявшись подстрелить собаку, Иван Петрович крикнул Дагона.

Дагон остановился, а лиса, услышав голос человека, бросилась прыжками через поляну.

Иван Петрович уже готов был спустить курок, но тут, вдруг что-то вспомнив, он опустил ружьё, подошёл к тому месту, где только что стояла лисица, и стал разглядывать оставленные ею следы. След от правой передней лапы был не такой, как все. На ней не хватало одного пальца, и это хорошо было видно на свежем, чистом снегу. Иван Петрович выпрямился и подозвал Дагона. Виновато виляя хвостом и опустив голову, подошёл к своему хозяину Дагон. Он подошёл и остановился, ожидая заслуженного наказания. Но Иван Петрович не наказал Дагона. Он ласково погладил его по голове, свистнул и пошёл домой.

Это был первый случай, когда Иван Петрович вернулся домой без добычи.

Увидев отца с пустой сумкой, Петя удивился. Но когда Иван Петрович рассказал ему, как Дагон встретил знакомую лису, как погнал её, а потом узнал и не тронул, Петя сказал:

– Вот видишь, папа, ты был не прав: значит, собака со зверем тоже дружить может.

И Иван Петрович должен был согласиться, что он действительно был не прав.

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ (1920-1996)

МЕДВЕДЬ-ДАРМОЕД

Ягоду за щеку, грибок в кузовок. От ягоды к грибку, от грибка к ягоде, – и забрёл. Лес вокруг тёмный. Деревья переговариваются по-своему: ели – еле-еле, осинки – вполшёпота.

Жарко. Кузова плечо оттянули.

Глядь – яма с водой. Бочажина! Лесная – чёрная. Посреди две кувшинки золотые, как совиные глаза. Так и смотрят. Загляделся я в бочажьи глаза. А позади кто-то и скажи звериным голосом: «Мам-м!» Я так и отшатнулся! Медведь! Стоит и смотрит.

Я с перепугу на него грибным кузовком замахнулся, – стоит. Я ягодным, – смотрит.

Потом глянул как-то боком и опять сказал: «Мам-м!» Я бежать. Кузова бросил.

До бочажины полдня брёл, а от бочажины домой за полчаса отмахал. Да неделю в лес и носа не казал. Вкус грибной и ягодный забыл.

А потом думаю: волков да медведей бояться – в лес не ходить. Пошёл.

От грибка к ягоде, от ягоды к грибку – и опять забрёл.

Слышу: ели переговариваются еле-еле, осинки вполшёпота. Вижу: бочаг чёрный с совиными глазами. А вон и кузовки мои – грибной и ягодный. Пустые кузовки – медведь всё поел. От ягод – пожёвки, от грибов – огрызки.

Тут-то мне и стук в голову: а уж не нарочно ли тогда мишка пугнул меня? Он ведь тоже заядлый грибник да ягодник. Что ему стоит: ворчнул раз – и два кузовка! А то собирай по крохам. А я, дурень, кузовками полными у его носа размахивал – аппетит дразнил.

Так, наверное, и есть. Не меня ж, в самом деле, медведь есть собрался!

Но это, конечно, я так думаю. А что тогда медведь думал, – не знаю.

Он ведь, помню, и говорил мне что-то, да я разобрать не успел, вот досада!

ТЕНЬ

Удивительная в лесу тишина: лес отдыхает. Солнечные зайчики сидят смирно. Подмигивает ленивая паутинка.

Хорошо идти по такому лесу от поляны к поляне: в каждой, как в зелёной чаше, свой тёплый настой. На одной медовый – отцветает лиловый вереск, на другой грибной, на третьей настоем на вялом листе. Идёшь и из каждой чаши отпиваешь глоток, пока голова не закружится!

На поляне с брусничным настоем стоял медвежонок. Он был один и делал то, что хотел. Делал он что-то очень

странное. То вдруг взмахивал головой, а лапишками и носом тыкался в землю. То переваливался через тощий задок и скрёб когтишками землю. Он явно что-то ловил и никак не мог поймать.

Долго он перекатывался, хватал, кусал и сердился. А я всё смотрел и ничего не мог разобрать.

И вдруг понял: медвежонок ловил свою тень! Этот дурень не мог ещё сообразить, что тень – это тень и что поймать её нельзя. Он видел: рядом шевелится тёмное. Бросался на тёмное и скалил зубы. Но тень – это тень.

Даже старый матёрый медведь не очень-то верит своим глазам. Вот и медвежонок: понюхает тень – не пахнет. Наклонит ухо к земле – не шуршит. Стукнет лапой – сдачи не даёт. Значит, её и нет!

Пошагал медвежонок прочь, а тень за ним. Вот это да!

Надо всё не спеша обдумать. Стал приседать медвежонок на задок. Вот приседает и – раз! – наткнулся на острый сучок! Подскочил, а оглянуться боится: тень перед носом скачет. Кто её знает, чего замышляет.

Поёрзал, поёрзал и опять стал приседать. Сел. На сучок. Как подскочит! Да и сучок ли это? Это мне видно, что вправду сучок, а медвежонок и оглянуться боится. Может, это чёрное, без вкуса, без запаха, так кусает?

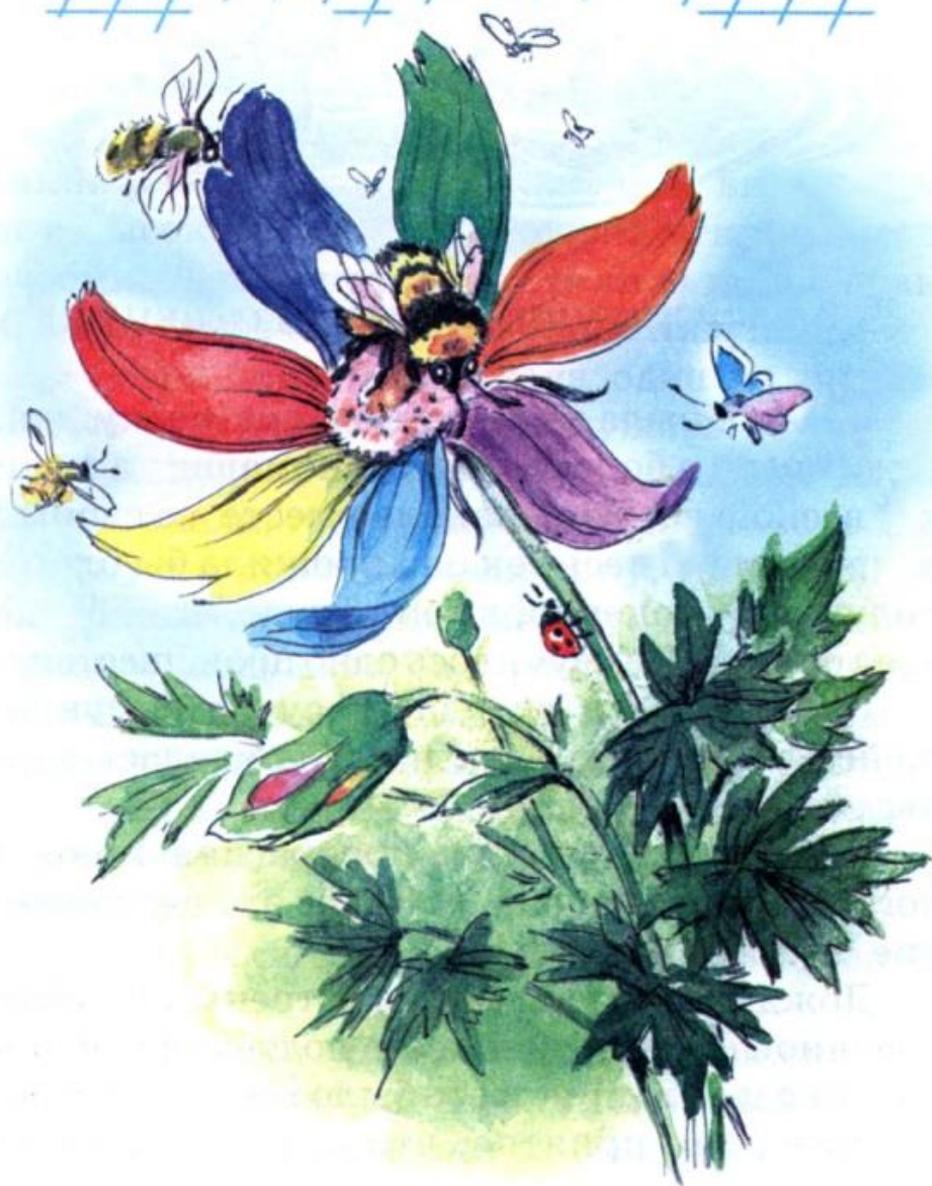
Шерсть на мишкиной холке встала торчком. Даже клыки показал. Пятиться стал. Попятился и... опять напоролся на сук! Тут заорал медвежонок басом и, как заяц,

упрыгал в кусты.

И вот тихо на полянке и нет никого, будто никогда и не было. Убежал медвежонок, ускакала тень. Остался один сучок. Да брусничным настоем пахнет.

Расскажу вам
сказку...

ВСЕВОЛОД ГАРШИН
(1855-1888)

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождём.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! – думала она. – Какое это наслаждение – жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень, и что осенью лягушки не квакают – на это есть весна, – и что, заквакав, она может уронить своё ля-

гушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью – раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно: так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

– Кря, кря! – сказала одна из них. – Лететь ещё далеко; надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но всё-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

– Кря, кря! – сказала другая утка. – Уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

– Госпожи утки! – осмелилась сказать лягушка. – Что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

– Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка при-

шла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

– А много ли там мошек и комаров?

– О! целые тучи! – отвечала утка.

– Ква! – сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик. – Возьмите меня с собой!

– Это мне удивительно! – воскликнула утка. – Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

– Когда вы летите? – спросила лягушка.

– Скоро, скоро! – закричали все утки. – Кря, кря! Кря! Кря! Тут холодно! На юг! На юг!

– Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

– Я придумала! Я нашла! – сказала она. – Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно!

Хотя молчать и тащить хоть бы и лёгкую лягушку три тысячи верст не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, а лягуш-

ка была одна, то нести её приходилось не особенно часто. Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», – думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

– Удивительно умная голова наша лягушка, – говорили они, – даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день; нёсшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и,

замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

– Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса.

– Смотрите, смотрите! – кричали дети в одной деревне.
– Утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у неё прыгало сердце.

– Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые. – Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» – подумала квакушка.

– Смотрите, смотрите! – кричали в третьей деревне. – Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уже не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

– Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во всё горло:

– Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду.

Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

– Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, – сказала она. – Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

(1894-1959)

КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко – и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат – все домой бегут. Сядет солнце – муравьи все ходы и выходы закроют – и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается – чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров – сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди – ножки и сзади – ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

– Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

– А кусаться не будешь?

– Кусаться не буду.

– Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост – к голове. Потом вдруг встал во весь рост да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

– Не могу больше! – кричит. – Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги как ходули, между ног голова качается.

– Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до

коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять – одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

– Слезай, – говорит. – Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

– Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

– А теперь слезай, – говорит Жужелица. – Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки – лес густой. Тут и со здоровыми ногами – целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка: пищит кто-то:

– А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка – стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

– Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

– А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-то-только ножки поставил.

– Влез?

– Ну влез.

– А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, – а они у него как пружинки складные, – да – щёлк! – распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! – на другой. Щёлк! – на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

– А через забор можешь?

– Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

– Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок. Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

– Стоп! – сказал Кузнечик. – Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви – не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

– Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь – бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка- Клоп.

– Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

– Миленький, шибче! – просит Муравьишка. – Меня домой не пустят.

– Можно и пошибче, – говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

– А по земле не можешь? – спрашивает Муравьишка.

– По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

– Гляди, – говорит Водомер, – вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ – тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь? Всё-таки послушался Водомера.

– Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

– А ты где живёшь?

– В муравейнике за лесом.

– Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

– Сел, что ли?

– Сел.

– А куда сел?

– На спину.

– Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову.

И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

– Дяденька, – просит Муравьишка, – поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» – поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх – выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ – у Муравьишки даже дух захватило. «Жжж! Тук-тук-тук!» – несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес – и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и – шлёп! – сел на сук.

– Дяденька, миленький! – взмолился Муравьишка. – А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл.

Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

– А уж как тебе вниз спуститься – не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там под самой берёзой его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница-Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

– Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась – не пустят меня домой ночевать.

– Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

– Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа – и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит – крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху – дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

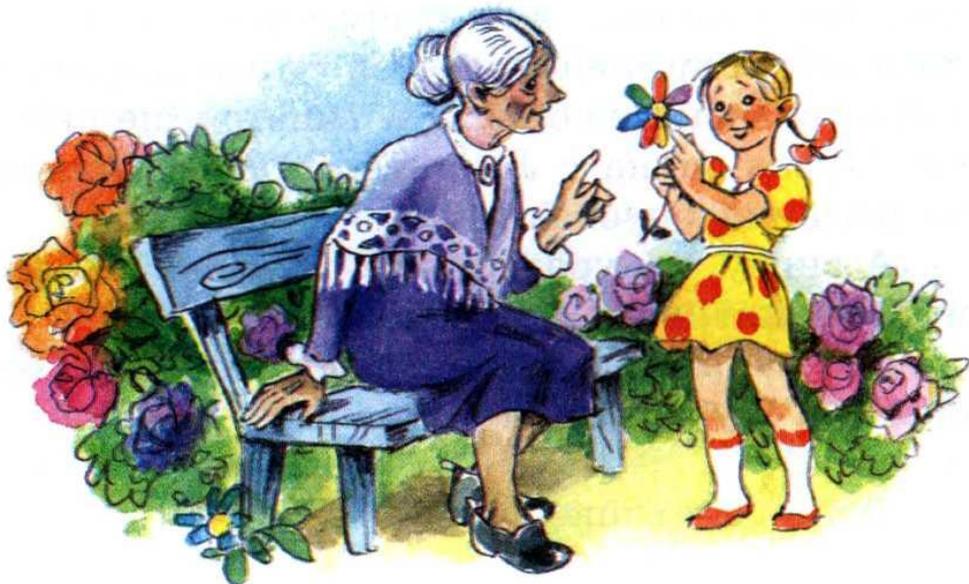
А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли – один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк – и домой!

Тут и солнышко зашло.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
(1897-1986)

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали чересчур лёгкие.

Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

– Ах вредная собака! – закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит – место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка:

– Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала. Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

– Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, зелёный, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

– Этот цветик, – сказала старушка, – не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тот-час сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

– А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках – связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон – семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и – бац! – раскололась на мелкие кусочки.

– Ты опять что-то разбила, тята-растя- па! – закричала мама из кухни. – Не мою ли самую любимую вазочку?

– Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! – закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,

Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни – глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчишки играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

– Мальчишки, примите меня поиграть!

– Чего захотела! Не видишь – это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.

– Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

– Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

– Значит, не принимаете?

– Не принимаем. Уходи!

– И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам – кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была, в летнем платье, с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

– Ай, мамочка, замерзаю! – закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый – нервный, второй – злой, третий – в берете, четвёртый – потёртый, пятый – помятый, шестой – рябой, седьмой – самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчишки на неё смотрят и смеются:

– Ну, где же твой Северный полюс?

– Я там была.

– Мы не видели. Докажи!

– Смотрите – у меня ещё висит сосулька.

– Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не

водиться, а пошла на другой двор – водиться с девочками. Пришла, видит – у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколёсный велосипед, а у одной – большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

«Ну, – думает, – я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме куклиной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало.

За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трёхколёсные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче.

Женя по лестнице – игрушки за ней. Женя на балкон – игрушки за ней. Женя на чердак – игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы игрушки поскорей убирались обратно в магазины!

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

– Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила, и никакого удовольствия. Ну ничего. Вперёд буду умнее.

Пошла она на улицу, идёт и думает:

«Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трёхколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах?! Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный, – сразу видно, что не драчун, – и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

– Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

– Витя. А тебя как?

– Женя. Давай играть в салки?

– Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

– Как жалко! – сказала Женя. – Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

– Ты мне тоже нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

– Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! – воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. – Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

– Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли –
Быть по-моему вели!

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

*Весёлая
переменка*

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО
(1894-1958)

ЁЛКА

В этом году мне исполнилось, ребята, сорок лет. Значит, выходит, что я сорок раз видел новогоднюю ёлку. Это много!

Ну первые три года жизни я, наверно, не понимал, что такое ёлка. Наверно, мама выносила меня на ручках. И наверно, я своими чёрными глазёнками без интереса смотрел на разукрашенное дерево.

А когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое ёлка.

И я с нетерпением ожидал этого весёлого праздника. И даже в щелочку двери подглядывал, как моя мама украшает ёлку.

А у меня была сестрёнка Лёля. Семи лет. Очень смелая, бойкая девочка. Она мне однажды сказала:

– Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдём в комнату, где стоит ёлка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестрёнкой Лёлей вошли в комнату. И видим: очень красивая ёлка. А под ёлкой лежали подарки. А на ёлке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестрёнка Лёля говорит:

– Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедим по одной пастилке.

И вот она подходит к ёлке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

– Лёля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к ёлке и откусываю маленький кусочек яблока. Лёля говорит:

– Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе конфету.

А Лёля была очень высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

– Если ты, Лёлища, съела вторую пастилку и вдобавок конфету, то я ещё раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю. Лёля говорит:

– Ну если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я нет. Я ей говорю:

– А я как подставлю к ёлке стул да как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к ёлке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Лёля говорит:

– Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку.

Тут раздалась мамины шаги, и мы с Лёлей убежали в другую комнату. Лёля говорит:

– Вот теперь, Минька, я не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на ёлке, открыла дверь и сказала:

– Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла ёлка. А наша мама говорит:

– Теперь пусть каждый ребёнок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. Потом снимала с ёлки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребёнку. И все дети были очень довольны.

Но вот наша мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

– Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Лёля сказала:

– Это Минькина работа.

Я дёрнул Лёлю за косичку и сказал:

– Это меня Лёля научила.

Мама говорит:

– Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела пода-

ритель заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать обкусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырёх-летнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

– С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

– Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

– Наверно, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

– Вы не смеете так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребёнком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

– Я так и сделаю. С вами водиться, что в крапиву садиться.

И тогда ещё одна, третья мама сказала:

– И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестрёнка Лёля закричала:

– Можете тоже уходить со своим золотушным ребёнком. И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

– Вообще все можете уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить. И наша мама удивилась, что мы остались одни.

И вдруг в комнату вошёл наш папа. Он сказал:

– Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтоб

мои дети были жадные и злые. И я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И наш папа подошёл к ёлке и потушил все свечи. И потом сказал:

– Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, и я до сих пор хорошо помню эту ёлку.

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу больше не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктора говорят, что я поэтому такой сравнительно весёлый и добродушный.

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

(1913-1972)

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор: всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и Царь-пушку. Всё это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь.

Я люблю гостей.

Ещё очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах.

Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» – и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех – смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать.

Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк! Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе – есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей – у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

АНГЛИЧАНИН ПАВЛЯ

– Завтра первое сентября, – сказала мама. – И вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

– И по этому случаю, – подхватил папа, – мы сейчас «зарежем» арбуз!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нём соскучились.

– Ого, кто пришёл! – сказал папа. – Сам Павля. Сам Павля-Бородавя.

– Садись с нами, Павлик, арбуз есть, – сказала мама, – Дениска, подвинься.

Я сказал:

– Привет! – и дал ему место рядом с собой.

– Привет! – сказал он и сел.

И мы начали есть и долго ели и молчали. Нам неохота было разговаривать.

А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкусно-тища.

И когда Павле дали третий кусок, он сказал:

– Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

– А почему? – спросила мама.

– Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

– Правда, – сказал папа. – Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

– Я не боюсь, – сказал Павля.

И мы все опять занялись делом и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

– А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

– Да, – сказал я. – Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

– Что делал, что делал?.. Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я всё лето зря прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования.

Он изучал английский язык и теперь небось сможет

переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки!

Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут ещё мама добавила:

– Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

– Молодец, – сказал папа. – Уважаю!

Павля прямо засиял.

– К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

– А что, трудный английский язык? – спросил я.

– С ума сойти, – вздохнул Павля.

– Ещё бы не трудный, – вмешался папа. – Там у них сам чёрт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

– Ну да, – сказал я. – Верно, Павля?

– Прямо беда, – сказал Павля. – Я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов.

– Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? – сказала мама. – Ты почему, когда вошёл, не сказал нам по-английски «здрасте»?

– Я «здрасте» ещё не проходил, – сказал Павля.

– Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал «спасибо»?

– Я сказал, – сказал Павля.

– Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

– Мы до «спасибо» ещё не дошли, – сказал Павля. – Очень трудное пропо-ви-сание.

Тогда я сказал:

– Павля, а научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

– Я этого ещё не изучил, – сказал Павля.

– А что же ты изучил? – закричал я. – За два месяца ты всё-таки хоть что-нибудь изучил?

– Я изучил, как по-английски «Петя», – сказал Павля.

– Ну, как?

– «Пит»! – торжественно объявил Павля. – По-английски «Петя» будет «Пит». – Он радостно засмеялся и добавил: – Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт. Вот потеха-то будет! Верно, Денис?

– Верно, – сказал я. – Ну, а что ты ещё знаешь по-английски?

– Пока всё, – сказал Павля.

ВИКТОР ГОЛЯВКИН
(1929-2001)

БЫСТРЕЙ, БЫСТРЕЙ!

Наши шефы, шестой «А», соревновались с шестым «Б» – кто лучше и быстрее поможет одеться в раздевалке своим подшефным. И вот после звонка мы помчались в раздевалку, и тут началось это одевалочное соревнование. Два шестых уже ждали своих первоклассников. Очень строгое жюри устроилось на подоконнике, чтобы лучше видеть. Пятьсотсвечовые лампочки вкрутили дополнительно к дневному свету. Самодеятельный школьный струнный оркестр расположился невдалеке. Оркестр грянул – и пошло! Ох, что тут было!

Моим шефом был Светик Костров. Он очень волновался. Как только я подбежал к нему, он заорал:

– Давай ногу! Ну! Ногу давай! Суй в ботинок ногу и не рассуждай, малыш! Нужно быстреей! Ты быстреей можешь?

Ну! – С трудом он закинул мою левую ногу в правый ботинок, и я не рассуждал. – Не везёт, вот напасть! – ворчал он и тряс меня за ногу изо всех сил.

Но я держался за вешалку и не падал. Вешалка качалась, и сверху падали шапки.

– Давай другую ногу! побыстрее! Ну! И не рассуждать!

– Как же я тебе другую ногу дам? – сказал я. – На чём же я тогда стоять буду?

– Не рассуждай, малыш, много ты понимаешь!

– Отпусти мою ту ногу, – сказал я, – тогда я тебе дам эту.

– Ну, быстрее давай, не рассуждай!

Теперь он стал натягивать левый ботинок на мою правую ногу. И я ему сказал об этом.

– Не заметят, – отвечал он, – раньше нужно было говорить, малыш! Не время рассуждать, пойми. Где шапка? Шапка где твоя?

– Да вон Васька её нацепил.

– Чего это он? Ну, даёт! Ладно. Некогда тут рассуждать. Бери Васькину! И побыстрее!

– А Васькину вон только что сейчас Пчёлкин надел...

– Хватай тогда Пчёлкина шапку. Быстрее!

Где она? Какая? Покажи мне. Вот не ожидал... никак не ожидал, что может так с шапками получиться!

– И Пчёлкиной уже нет, – говорю, – ни одной шапки нет, все расхватили...

– Без шапки иди! На авось! Выручай своего шефа! Что творится! Мы пропали! Проиграли! Вот досада... Э-э-э-эх!

– Он очень суетился и вспотел.

Светик ловко надел на меня пальто, и пальто было тоже чужое. И я сказал ему об этом.

– Не снимать же его, малыш! Где мы тут сейчас найдём другое? Бодрей держись! Не дрейфь! Улыбайся жюри! Как будто ты в своём пальто! Давай!

И я побежал. На авось.

Пальто толстяка Вовки Ивина висело на мне мешком. Нестерпимо жали мои собственные ботинки.

– Здравствуйте, – сказал я жюри.

– У тебя с одеждой всё в порядке? – спросил член жюри.

– Так точно, всё в порядке, – сказал я по-военному.

Он смотрел на моё пальто, а я ему улыбался.

– А где шапка? – спросил он.

– А я закалённый, – сказал я, улыбаясь.

– Как это понять?

– Я в школу без шапки пришёл, – сказал я, улыбаясь.

– Ишь ты, предусмотрительный, – сказал член жюри.

– Так точно, предусмотрительный, – сказал я по-военному.

– И всегда ходишь в школу без шапки? – спросил член жюри.

– Всегда, – сказал я, улыбаясь.

– Ишь ты, – повторил член жюри. Он не знал, как со мной поступить: засчитывать или не засчитывать, и внимательно посмотрел на мои ботинки, – зашнурованы неплохо, ишь ты!

– Неплохо, – сказал я.

– Так все без шапок придут, – сказал он.

– Придут, – сказал я.

Тогда он сказал (в какой раз!):

– Ишь ты!.. – И добавил: – Иди.

Но другой член жюри спросил:

– Ты своё пальто надел?

В это время подскочил Вовка Ивин в моём пальто. И все члены жюри зароптали на своего придирчивого товарища, чтобы он не задерживал молодцов, которые чуть ли не самыми первыми оказались одетыми. И тогда придирчивый член жюри тоже мне улыбнулся понимающе.

Я нашёл Ваську и сказал ему:

– Побольше бы таких соревнований – тогда бы все мы научились надевать свои собственные вещи быстро, как военные по тревоге.

И Васька согласился.

– Быстрые, Костров, у вас ребятки! – сказал придирчивый член жюри моему шефу.

Светик застеснялся, надо же! Слезу даже смахнул. Подбежал ко мне, руку пожал. И то же самое сказал: побольше бы таких соревнований, в другой раз не подкачаем.

– Ни за что не подкачаем в другой раз, – сказал я.

Вдруг объявили:

– Представителям шестого «А» вместе с подшефными выйти на середину круга, и пусть ваши ловкие и быстрые ребятки пройдут под гром оркестра, чтобы мы все могли на них полюбоваться.

Самодеятельный струнный оркестр из всех своих балалаек грянул марш, а мы зашагали по кругу.

Жали мои ботинки ужасно, а Вовкино пальто болталось на мне и крутилось. С Вовки валилась шапка, и он поминутно её поправлял. И с другими нашими ребятами тоже творилось невообразимое. Ведь я был не один в жалком виде.

– Шагай, не рассуждай, малыш, – сказал мне Свет Костров.

Кругом все хохотали.

И тогда мы с Вовкой засмеялись со всеми вместе.

Серия «Школьная библиотека»

**ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ
(ДЛЯ 2-го КЛАССА)**

Для младшего школьного возраста

Составитель

Юдаева Марина Владимировна

Художник

Черноглазов Владимир Юрьевич

Главный редактор А. Алир

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка Д.А.Володин

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск А.С.Рожков

Подписано в печать 13.03.2013.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 8.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 30000 экз. Заказ № 162.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51

- © В.В.Бианки, наследники, текст.
- © В.В.Голявкин, наследники, текст.
- © В.Ю.Драгунский, наследники, текст.
- © М.М.Зощенко, наследники, текст.
- © В.П.Катаев, наследники, текст.
- © В.В.Медведев, наследники, текст.
- © К.Г.Паустовский, наследники, текст.
- © Е.А.Пермяк, наследники, текст.
- © М.М.Пришвин, наследники, текст.
- © Г.А.Скребицкий, наследники, текст.
- © Н.И.Сладков, наследники, текст.
- © В.В.Чаплина, наследники, текст.
- © Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.
- © РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ЕАЛ

Артикул К-ШБ-13

ISBN 978-5-9781-0337-3

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Владимир Черноглазов

9 785978 103373 >